

Е.И. Анненкова

КОНСТАНТИН АКСАКОВ — ФАНАТИК ИЛИ АНАЛИТИК СЛАВЯНОФИЛЬСТВА?

В статье* рассматриваются не столько содержательные аспекты славянофильских воззрений К.С. Аксакова, сколько выражение в публицистических и научных его трудах авторской позиции, характер работы с исходным (историческим и литературным) материалом. Категоричность высказываний выявляет ту определенность и цельность убеждений, которые можно воспринимать полемически и даже негативно, но это и предопределяет неизбежное аналитическое углубление в те положения, которые читатель находит в работах Аксакова.

Ключевые слова: Русская религиозная философия, славянофильство, русское общество, личность, народ, Россия, Запад, спор западников и славянофилов

Избранная постановка вопроса — скорее публицистическая, чем научная — не предполагает, конечно, утвердить одно или другое (аналитичность или фанатизм мышления Аксакова), хотя известна его бескомпромиссность и, более того, жесткость, вызывавшая укор даже у соратников. Но прежде всего хотелось бы коснуться тех сторон мировоззрения Аксакова, которые позволяют увидеть наиболее существенное, хотя и не всегда декларируемое, в славянофильстве как таковом. Сквозь безапелляционность, неуступчивость одного из носителей этого учения (и в известном смысле благодаря названным чертам) проступали те начала славянофильской мысли, которые настойчиво побуждали к анализу и изъяснению. В данном случае представляет интерес не только содержание идей и продуманность тактики их воплощения, но и структура мышления (хотя это материя, конечно, трудноуловимая), характер связи личности, индивидуального сознания (в том числе эстетических его составляющих) — и наследия, итога мыслительной деятельности. В свое время Е. Ляцкий, издавая стихотворения К.С. Аксакова, писал: «Произведения Константина Сергеевича Аксакова, собранные в настоящем томе, ищут читателя-друга. К ним нельзя подходить ни с равнодушием скептика, ни с критической требовательностью, воспитанной на классических образцах <...> В них есть нечто, сообщающее мысли

Елена Ивановна Анненкова — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литературы Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (elenannenkova@mail.ru).

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00376а

крылья мечтательного порыва, зажигающее чувство огнем неподдельного одушевления. И эта мысль, и это чувство, и все, что есть ценного в произведениях Константина Аксакова, прекрасно и ценно прежде всего потому, что оно неотделимо от личности их творца»¹.

Откликаясь на кончину Ивана Аксакова, преосв. Антоний назвал его русским народным трибуном-златоустом. Константин, несмотря на его тягу к устному слову, к пропаганде, — не трибун-златоуст. Иван высказал себя вполне во множестве публикаций (газетных, журнальных), в пространственных письмах к родным и невесте. Наследие же Константина заставляет думать, что его мысль всегда глубже высказанного словами, она словно еще не раскрылась в полной мере. Обращает на себя внимание характер наследия Константина Аксакова: многие статьи сохранились в разных редакциях, оставляющих впечатление, что автор имел твердое намерение к ним вернуться; целый ряд работ не завершен; иные — увидели свет только после смерти автора. Все это говорит о том, что перед нами не столько готовая система взглядов, не столько декларация, сколько некий становящийся текст жизни. С одной стороны — не допускающее компромиссов высказывание своей позиции, с другой — именно **поиск** путей ее воплощения. Поэтому важно попробовать реконструировать не столько замыслы или тексты, оставшиеся незавершенными, сколько склад сознания, внутреннюю логику автора, а точнее — внутреннюю программу жизни.

Конечно, в многочисленных работах, посвященных славянофилам, об индивидуальных особенностях того или другого из них речь шла, и не раз. Начало тому было положено самими славянофилами, не чуждавшимися самоистолкований и психологических характеристик друзей. К Константину, как известно, отношение было симпатическое, уважительное и немного снисходительное — в силу, как казалось, некоторой наивности, детскости его натуры. Но, вглядываясь не только в содержание его мысли, но и в истоки ее зарождения, характер выражения, можно почувствовать внутреннюю диалектику, объемность (а не одномерность) построений. Для этого имеет смысл обратить внимание на семантику и стилистику тех категорий, которые занимают важное место в построениях Аксакова, а также — на время их появления и укоренения, следовательно, на движение аксаковского сознания (думается, можно говорить не столько об эволюции, сколько именно о движении: о направлениях, поворотах мысли, не столько предполагающих существенное смысловое изменение, сколько — набиравание тех оттенков смысла, которые придают мысли глубину). В качестве ведущих категорий изберем такие, как «жизнь», «народ», «общество».

¹Аксаков К.С. Сочинения. Ред. и прим. Е.А. Ляцкого. Т. I. Пг., 1915. С. 5.

Что мы видим в **ранних** текстах Аксакова? Это юношеские стихи и письма к родным из-за границы. Письма молодого Аксакова из «чужих краев» — это, как ни странно, письма русского европейца, свидетельствующие о том, что все деятели русской культуры вышли из одного «гнезда». Конечно, можно обратить внимание на то, что уже в этих посланиях звучит тема, которая станет ведущей для Аксакова, — тема субстанции и сущности русского народа. Но непредвзятый взгляд на эпистолярные путевые заметки обнаружит, что тематически и структурно они чрезвычайно близки письмам многочисленных «русских путешественников» (таковым, кстати, именуется себя и Аксаков). Он описывает города и впечатления, вынося на первый план культурные достопримечательности, теоретически уже известные русскому читателю и непременно отыскиваемые за границей.

Более всего Аксакова привлекает Германия, она пробуждает в нем потребность заняться филологией и вместе с тем укрепляет интерес к таинству жизни — обратим внимание на это единовременное искание «поэтического» и «ученого» (его выражения), — искание если не пробужденное, то усиленное и укрепленное встречей с Германией, которую, как замечает Аксаков, «давно <...> любил издали», а теперь признается: «...мне свободно здесь, в этом германском элементе»². Оказывается, «свободно» в германском элементе и потому, что «здесь национальность перестает быть препятствием; здесь истинно жизнь общая, <...> но со всем тем национальность нисколько не уничтожается»³. Довольно часто появляющееся аксаковское «но» свидетельствует о том, что когда высказываются признания, почти неожиданные, они тут же уточняются, — однако это именно уточнение, а не отказ от запечатленного размышления. Национальное чувство не утрачено, но «теперь только в Германии (т.е. в просвещении ее) могу находить такую полную отраду и потом идти своим путем; новые силы чувствую я в себе, и знаю, что жизнь (теперь обновленная, наполняющая меня) будет развиваться и будет непременно русская в своем развитии»⁴. Путь к своему прокладывается через постижение чужого — но лишь того, что в известном смысле является своим.

«Чувство бесконечного доступно» — «и потому я люблю Германию, и в ней мне хорошо и свободно, точно так же, как и в милой моей России...»⁵.

Возникает вопрос: когда и под влиянием каких факторов у Аксакова происходит резкое дистанцирование от Западной Европы? Факторов, конечно,

²Космополис. 1898. № 4. С. 84.

³Там же.

⁴Там же. С. 85.

⁵Космополис. 1898. № 9. С. 248.

несколько, но в данном случае хотелось бы обратить внимание на то, что могло более всего «зацепить» Аксакова, семантику каких категорий (а точнее, явлений), оказавшихся под угрозой, он счел необходимым защитить.

В.А. Кошелев справедливо обратил внимание на то, что после 1848 г. славянофильская теория существенно трансформировалась, и если до Французской революции славянофилы осознавали свою деятельность прежде всего как «умеренно-литературную», то после они обращаются к мысли политической, и правительство стало осознавать славянофильство как оппозиционную политическую партию⁶. Действительно, К. Аксаков в это время пишет ряд статей, не предназначавшихся к печати («Голос из Москвы», «Западная Европа и народность», «О Карамзине», «Об основных началах русской истории»), а также циклы писем к А.Н. Попову и Д.А. Оболенскому, в которых, вместе взятых, по мнению исследователя, он пытается сформировать «политическую утопию»⁷. Но сам Аксаков в политическом утопизме упрекает скорее западных деятелей: «Люди, верящие в совершенство земной власти, будут искать этого невозможного, человеческого совершенства земным, грешным, как сама цель их, путем — путем революции, — и менять одну форму на другую»⁸. Аксаков, идеалист, не ищет царства Божия на земле. Он говорит о народе в его идеальном воплощении, не имея в виду реальное преобразование общества и построение утопического града земного, а пытаюсь — с максимальной последовательностью и упорством — определить **путь к Граду Божию**.

Эта категория народа, которая то означает простой народ, сохраняющий общинный образ жизни, то подразумевает национальную целостность, имевшую место в прошлом и ожидаемую в будущем, и начинает, как могло показаться Аксакову, терять свой статус государствообразующей величины. «Если правительственная сторона России не оставит Западного пути, то она втолкнет Россию насильственно, вопреки ее природе, на путь революции, не со стороны народа, а со стороны русских, увлеченных правительством на Западный путь»⁹. В этом контексте союз «поэтического» и «ученого» уже недееспособен, и наступает время для иных дефиниций. Политические события Европы словно поставили под удар, скомпрометировали само существо народа (безотносительно к национальной принадлежности), сузив его до ущербно малой величины —

⁶ Кошелев В.А. Сто лет семьи Аксаковых. Бирск, 2005. С. 221.

⁷ Там же. С. 223.

⁸ Аксаков К.С. Голос из Москвы. Западная Европа и народность. Публикация и примечания В.А. Кошелева // Литература и история (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII–XX вв.). СПб., 1992. С. 299.

⁹ Там же.

до политической силы. Любая революция, вольно или невольно, совершает эту подмену. В понимании же Аксакова, понятия «народ» и «жизнь» — нечто если не синонимичное, то близкое к тому. Следовательно, революция разрушительна и для одного, и для другого.

Знаменательно, что Константин Аксаков в 1848 г. пишет еще и письмо к Гоголю по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями». Казалось бы, он мог написать это письмо и раньше, сразу после выхода книги в свет. Создается впечатление, что он не может найти объяснение появлению этой книги. В 1848 г., по возвращении в Россию, писатель показался Аксакову смущенным, даже потерянным. Но можно сказать, что и сам он какое-то (хотя и недолгое) время переживал в связи с событиями 1848 г. состояние потерянности. С одной стороны, этот год явил тот самый лик Западной Европы, о котором уже толковали славянофилы, историческая реальность подтверждала их видение — и славянофилы могли бы торжествовать. С другой, русское общество пребывало в том состоянии, которое оставляло все меньше иллюзий относительно возможного возрождения национального чувства в нем. В отличие от И.В. Киреевского, А.И. Кошелева, видевших даже в Европе скрытое недовольство современным состоянием духа и предвестие обновления, К. Аксаков, как ни странно, оказывается настроен наиболее скептически. Тем настойчивее говорит он о необходимости разрыва с Западом. «События, совершающиеся на Западе, — пишет он в марте 1848 г., — замечательны. Запад разрушается; обличается ложь Запада; ясно, к какой бездне приводит его избранная им дорога. — Я радуюсь обличению лжи. — Ужели и теперь Россия захочет сохранять свои связи с Западом? — Нет, все связи нашей публики с Западной Европой должны быть прерваны. Должна кончиться наконец подражательность! <...> Теперь настало наконец время, когда всякий должен понять, что нам, Русским, надо отделиться от Европы Западной; что *верная порука тишины и спокойствия* есть наша народность (здесь и далее курсив Аксакова. — Е.А.) <...> Никогда еще (как в 1848 г. — Е.А.), — убежден Аксаков, — человек не являлся так мал и ничтожен»¹⁰. Отсюда вывод: «О, какой важный урок, какой поучительный урок для Русской земли, которая уже поставила ногу на Западный путь, на край бездны!»¹¹. Аксаков замечает, а скорее — предвидит политику западных государств, направленную на то, чтобы отделить славян от России, ослабить силу сочувствия славянских народов к русским. Поэтому его, может быть, более, чем других славянофилов, занимало современное состояние человека, внутренний мир личности.

¹⁰Аксаков К.С. Голос из Москвы... С. 310.

¹¹Там же. С. 311.

Характерны аксаковские глаголы, избираемые для характеристики настоящего времени: «пробудились», «огляделись». Гоголевский вопрос: «Русь! Куда ты несешься?» и для Аксакова не риторический; это вопрос, предполагающий разные ответы, ибо в момент движения вектор развития далеко не всегда однозначен. Рукописная статья «Что такое мы в настоящее время?» (1851) начинается фразами: «Теперь, недавно, по крайней мере, пробудилась в нас вопросы; мы стали и огляделись. Между нами и народом бездна; мы позабыли и потеряли тайну русской жизни. Мы почувствовали наконец пустоту в душе, в уме, в сердце. Мы почувствовали всю отвлеченность нашу от народа. В уме много благородных мыслей, но все это только прекрасные мысли, в сердце много благородных чувств, но все это только благородные чувства, и ни те ни другие не имеют жизни, и те и другие поглощаются чувством пустоты, вялости, апатии, и те и другие все слова, слова»¹². Какой из этого, по Аксакову, может быть выход?

Вернемся к реакции Аксакова на последнюю книгу Гоголя. В сознании его, «Выбранные места» опровергают, по-своему предают то произведение, которое сделало Гоголя центральной фигурой отечественной культуры. Напомним, что Аксаков нашел в поэме «Мертвые души», — эпическое мирозерцание, то понимание и воплощение жизни, которое славянофилами ценилось более всего. Категория жизни в данном случае наполняется совершенно определенным и вместе с тем достаточно широким содержанием. Поэма Гоголя, по Аксакову, «представляет нам целую сферу жизни, целый мир, где опять, как у Гомера, свободно шумят и блещут воды, всходит солнце, красуется вся природа и живет человек, — мир, являющий нам глубокое целое, глубокое, внутри лежащее содержание общей жизни, связующей единым духом все свои явления»¹³.

«Все, от начала до конца (сказано о “Мертвых душах”. — Е.А.), — полно одной неослабной, неустающей, живой жизни...»¹⁴. Имеющий репутацию наиболее отвлеченного мыслителя из всех славянофилов, Константин Аксаков на самом деле предстает своеобразным апологетом «живой жизни», «полноты жизни». От «живой жизни» мысль, естественно, движется к русской жизни. О финале поэмы сказано: «Здесь проникает наружу и видится Русь, лежащая, думаем мы, тайным содержанием всей его поэмы»¹⁵.

Своего рода если не уравнивание, то максимальное сближение категорий «народ» и «жизнь» далее можно будет увидеть в самых разных работах Аксакова. В статье «Богатыри времен великого князя Владимира по русским

¹² Аксаков К.С. Что такое мы в настоящее время? // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. № 18. Л. 4 об.

¹³ Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 76.

¹⁴ Там же. С. 80.

¹⁵ Там же. С. 79.

песням» (1850–1852) народные сюжеты о богатырях характеризуются как «одно живое целое; они соединены между собой не одним каким-нибудь великим событием, собравшим людей около себя, — а жизнью, единством жизни; это целый мир, движущийся и играющий одною жизнью, весь ею проникнутый»¹⁶. В литературно-критической статье 1845 г. встречаем суждение о народе как «могущественном хранителе великой тайны»¹⁷. В характеристике славян на первый план выводятся не те или иные исторические их проявления, а не поддающиеся уничтожению, как убежден Аксаков, формы их жизни: «...славяне русские образовали жизнь свою; они поняли значение общины, они ощущали чувство братства, чувство меры и кротости <...> их игра: хоровод, круг — образ братской общины»¹⁸. Поэтому органичным оказывается вывод: «Заимствовать можно только материальные улучшения. Заимствовать жизни нельзя»¹⁹. Потому ограничены оказываются возможности собственно научного познания: наука «должна необходимо допустить таинство жизни, не подлежащее уже ее осознанию, таинство, которое может она угадывать или определять приблизительно, но которым овладеть она не в силах, ибо это — таинство жизни»²⁰. Какие же тут утопические **построения**? — Сознание Аксакова могло нести в себе определенный утопический элемент, но при подобном понимании жизни он не мог предлагать интеллектуально выстроенную схему организации «таинства жизни».

Это проясняет ситуацию с «Выбранными местами из переписки с друзьями». 1848 год словно объяснил Аксакову, что произошло с Гоголем. Сетования на то, что тот слишком задержался на Западе, Аксаковы выражали неоднократно. Но 1848 год довершил славянофильское представление о западном мире, и далее уже могли складываться концептуальные философские (а не только политические) статьи о характере просвещения западного и русского, об отличии Церкви и т.д. Поэтому тот факт, что Гоголь, которому доступно было таинство жизни в целом и таинство жизни национальной, стал «беглецом родной земли», оценивается Аксаковым одновременно и как падение писателя, и как результат утонченной (а скорее, изощренной) агрессии Запада: «Не вы ли, в ложном мудрствовании, бросили свою землю, бежали из России и шесть лет были вне ее, не дышали ее святым, нравственным воздухом? Не вы ли, беглец родной земли, жили на Западе и вдыхали в себя его тлетворные испарения? <...> Книгу вашу

¹⁶ Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 234.

¹⁷ Там же. С. 119.

¹⁸ Там же. С. 98.

¹⁹ Аксаков К.С. Что такое мы в настоящее время? // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. № 18. Л. 6 об.

²⁰ Аксаков К.С. Собрание сочинений: в 3 т. Т. III. Ч. 2. М., 1875. С. III.

считаю я полным выражением всего зла, охватившего вас на Западе. Вы имели дело с Западом, с этим воплощенным лгуном, и ложь его проникла в вас»²¹.

В письме к Гоголю, на первый взгляд, проявляется наивная прямота ребенка (в бытовом поведении это действительно было свойственно Аксакову). Но, перечитывая текст, обнаруживаешь свободу мысли и подлинную свободу общения с другим человеком, а в основе этой свободы — сложившееся, спокойно пребывающее в себе мировоззрение, выражающееся прямо, не нуждающееся в иносказаниях, в ухищрениях ума. Аксаков говорит о «внутренней непростоте и раздвоенности», о «внутренней лжи» Гоголя так убежденно, потому что ему самому не свойственно ни то, ни другое, ибо он себе этой двойственности не **позволял**. Эстетика над ним никогда не властвовала, в то время как Гоголь эстетическую власть над собой слова (шире — искусства), действительно, познал. Поэтому так убедительно говорит Аксаков о том, что писатель увлекся «**красотой** смирения», — убедительно, поскольку читатель может догадаться (или хотя бы допустить), что это искушение — увлечься красотой смирения — успел ощутить и Аксаков, но не поддался искушению. А тут и сам автор письма приоткроет свое потаенное «я»: «О, зеркало, зеркало внутреннее, о, внутреннее кокетство! Хуже оно наружного. Знаю я этот грех: я сам им страдаю. Но кажется мне, я вижу его и потому не проповедую смирения, потому что слишком высоко ценю его, и смиренным себя не выставляю. Давно уже много ценю я простоту, и ценю ее с каждым днем более и более. Простоты я не вижу в вас»²². И как итог: «Я все тот же: еще более стою я за Русскую землю, еще сильнее против Запада, но, кажется, взгляд мой и на это, и на другое стал явнее, и больше я узнал»²³. С этого момента и начинается абсолютизация народного мира, его пестование и идеологическое обоснование.

Тому пониманию жизни, которое зародилось у юного Аксакова-романтика в 1830-е гг., укрепилось у Аксакова-публициста и историка в 1840-е, синонимичным становится понятие народа. «Народ есть лицо самобытное, самоустраивающееся»²⁴, — сказано в «Замечаниях на новое административное устройство крестьян в России». В одной из передовых статей газеты «Молва»: «Народ есть та великая сила, та живая связь людей, без которой и вне которой отдельный человек был бы бесполезным эгоистом, а все челове-

²¹Переписка Н.В. Гоголя: в 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 97.

²²Там же. С. 96.

²³Там же. С. 98.

²⁴Аксаков К.С. Замечания на новое административное устройство крестьян в России. Лейпциг, 1861. С. 17.

ство — бесплодную отвлеченностью»²⁵. «...В чем состоит связь, образующая *народ*?» — задается вопрос, и тут же следует ответ: «Эта связь есть единое общее нравственное убеждение, не отвлеченное, но живое и в жизнь переходящее; эта связь есть союз духовной жизни <...> убеждение, связующее людей духовно и образующее народ <...> есть *Вера*»²⁶. И в основе «общественности», по Аксакову, «лежит высшая духовная причина, не для всех сознательно ясная. Эта причина — потребность согласия»²⁷. Понятия «духовного хора», «живого единства»²⁸ располагаются рядом с понятием «общество».

Можно видеть, что решаются не столько исторические, идеологические вопросы, а вопросы бытия в целом; следовательно, если славянофильство сразу после 1848 г. и заявляет о себе как о политической партии, то — объективно — лишь для того, чтобы достаточно скоро оттеснить политическую сторону учения на периферию. Другое дело, что в годы Крымской войны славянофилы вновь займут политическую позицию, но базироваться она будет на том понимании жизни — народа, — которое сложилось на протяжении предшествующих лет. А в «Записке о внутреннем состоянии России» Аксаков вновь поведет речь о вневременной сути народа: «Не желая править, народ наш желает жить»²⁹; «русский народ, отделив от себя государственный элемент, предоставив полную государственную власть правительству, предоставил себе *жизнь*, свободу нравственно-общественную, высокая цель которой есть: общество христианское»³⁰. «Народ или земля, — продолжает Аксаков, — ...желает для себя не правления, но жизни, разумеется, человеческой, разумной»³¹. Авторы одной из последних работ, посвященных наследию братьев Аксаковых, полагают: «...Главное, что делает место К.С. Аксакова в истории русской общественной мысли особым, — это разработка социально-политической концепции Земли и Государства»³². В Записке, думается, — своеобразное сосредоточение славянофильской теории, несмотря на то, что не все соратники по учению поддер-

²⁵ Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 364.

²⁶ Аксаков К.С. Голос из Москвы. Западная Европа и народность. Публикация и примечания В.А. Кошелева // Литература и история (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII–XX вв.). СПб., 1992. С. 302, 304.

²⁷ Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 433.

²⁸ Там же.

²⁹ Аксаков К.С. Записка «О внутреннем состоянии России» // Теория государства у славянофилов. Сб. статей. СПб., 1898. С. 26.

³⁰ Там же. С. 27.

³¹ Там же. С. 28.

³² Шириняни А.А., Мыркова А.В., Фурсова Е.Б. Константин Сергеевич и Иван Сергеевич Аксаковы // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды. М., 2010. С. 57.

жали ее³³. Аксаковская привычка выражать мнение определенно, избегая умолчаний, тактической недоговоренности, позволила высказать то, на чем держалось славянофильское учение: разрабатывая национальную тематику, отстаивая «русское воззрение», основатели учения всегда вели речь об общечеловеческих коллизиях во всей их проблемности, зная, что в тот или иной момент они могут дать о себе знать на любой национальной почве.

Сочинения 1848–49 гг. (статьи, письма к А.Н. Попову и Д.А. Оболенскому), трактат «Россия и Запад» (1854), Записка «О внутреннем состоянии России» (1855) — не только квинтэссенция политических убеждений Аксакова, но и выражение его мировоззренческих итогов. Но это, можно сказать, — и славянофильство в его абсолюте, в его максимально чистом выражении. Это и та интерпретация народа, которая являет идеальный его образец безотносительно к национальной принадлежности (просто исторически русскому народу, по убеждению Аксакова, этот образец оказался доступен).

Но здесь и выясняется, что мысль Аксакова добирается до вопросов достаточно сложных. Чем более целостным и идеальным предстает образ народа, тем более многосторонним, глубоким и проблемным оказывается его видение. Бескомпромиссность убеждения, быть может — невольно, создает почву для аналитического взгляда на рассматриваемое явление. В результате между понятиями, которые кажутся близкими, способными заменить друг друга, возникает напряжение. В одной из заметок Аксаков рассуждает: «Знаменательно, как, с одной стороны, народ ставит высоко *мир*, совет и пр., — и как высшее выражение ума и жизни вообще; с другой, видит в собрании людей — *множество* людей, толпу, и в ней силу стихийную, которая неразумна, почему толпа и может двигаться с силою, невольно все и всех увлекающею и часто увлекаемою незнанием. *Мир судит Бог*, говорит народ, и в то же время: *мир силен как вода*, и *глуп как дитя*. *Мир умен*. *Мир глуп*»³⁴.

Следовательно, возникает проблема понимания и интерпретации, а как производное — проблема позиции интерпретатора. Вот почему Аксаков так много (может показаться, слишком много) говорит о нравственности. Любой путь познания, а тем более — путь духа понимается как нравственный: «Нам все труднее убедиться, что истинно достойный путь человека есть путь убеждения, путь мысли, путь духа, путь нравственный»³⁵. Появляется понятие «нравственный подвиг жизни», оно отнесено и к частной человеческой личности, и к на-

³³ Цимбаев Н.И. Записка К.С. Аксакова «О внутреннем состоянии России» // Вестник Московского университета. История. 1972. № 2.

³⁴ Аксаков К.С. Полное собрание сочинений: в 3 т. Т. I. М., 1861. С. 628.

³⁵ Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 485.

роду, и к мыслителю, берущемуся изъяснять историю и современность. «Нравственный вопрос <...> неотразимо предстоит человеку и народу <...>. Нравственный подвиг жизни принадлежит не только каждому человеку, и народам, и каждый человек и каждый народ решает его по-своему, выбирая для совершения его тот или иной путь»³⁶. Но это глубоко прочувствованное, внутреннее убеждение Аксаков не раскрывает, а формулирует как итог, не доказывает, а называет. В одной из статей конца 1840-х гг. он предугадывает мнение оппонента, не соглашающегося с его суждением о Западе: «Но скажут нам: это произвольное, ничем не доказанное суждение»; и далее, заметив, что доказательства можно было бы найти немало, сохраняет все же собственную позицию: «...Однако же мы намерены ограничиться одним общим суждением»³⁷. В славянофильских идеях он вычленяет принципиальное, основополагающее зерно и укрупняет его, формулирует, избегая детализации, словно допуская, что поиск новых и новых аргументов может либо затемнить мысль, отвлечь от нее, либо выявить некоторый изъян.

А может быть, это связано и с той особенностью личности, которая не сразу бросается в глаза и которая формировалась постепенно. Аксаков никогда не высказывает всего, что является предметом его размышлений, во всяком случае, в работах, которые подлежали обнародованию. После 1830-х гг. (пройдя через сомнения, не удержав в себе веру в первостепенность «беспредельности», космизма и т.п., т.е. повзрослев) он закрыл себя, свое собственное, внутреннее «я». А точнее — нашел новую форму самовыражения, новый «сосуд» для бурлящего потока своей внутренней жизни. От универсума пришел к национальному, от беспредельности вселенной (находившей выражение в его ранней лирике) — к русскому миру. Но и здесь все самое близкое (уже в мировоззренческом плане, особенно то, что связано с верой) оставлено было в сокровенной глубине. Для Хомякова, религиозного мыслителя, вопросы веры — предмет эпистолярной полемики (как с соотечественниками, так и деятелями западной церкви). Аксаков в письменных спорах практически не касается этих вопросов. Но и национальное для него — также предмет веры. Подобный «предмет» допускает и даже требует изъяснения и защиты, но не подлежит разъятию. Аксаков не позволял рефлексии пошатнуть учение.

Вся рефлексия, все сомнения оказались еще в юности обращены к внутренней жизни (состоятелен ли как поэт и прозаик, корректен ли в отношениях

³⁶ Аксаков К.С. Государство и народ. М., 2009. С. 298.

³⁷ Аксаков К.С. Голос из Москвы. Западная Европа и народность. Публикация и примечания В.А. Кошелева // Литература и история (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII–XX вв.). СПб., 1992. С. 301.

в «тетенькой» и «дяденькой», убедителен ли, тактичен ли с Машенькой Карташевой). Но «быть или не быть» не относилось к учению, поскольку это была не система убеждений, принятая на определенном этапе жизни, но образ мышления, самосознания. То, что оппонентам казалось отвлеченной теорией, для Аксакова было таинством жизни, требующим сбережения тем более, что эта живая жизнь имела национально-историческое проявление.

В одной из статей, посвященных русской литературе со времен Петра I, находим суждение: «Земля и народ (простой) удалились в молчание, сберегая свою жизнь до лучшего времени...»³⁸. Сам Аксаков не «удалился в молчание», напротив, считал необходимым неустанно излагать свою позицию, но определенную часть своей души он явно в молчание погрузил.

Возвращаясь к началу статьи и к ее названию, можно сказать, что оба понятия (как «фанатик», так и «аналитик») — конечно, недостаточны; даже будучи соединены, они не раскрывают существа явления. В известном смысле, они — из «западного категориального аппарата (вспомним слова И.В. Киреевского о том, что западный человек разделяет жизнь на отдельные составляющие и ведет себя в разных сферах по-разному).

У Аксакова то, что кажется фанатизмом, является проявлением цельности личности, верности своему существу (а не просто убеждению). Поэтому и аналитика его не абсолютна. Бесстрашно познается чужое, то, что несет опасность; но «алгеброй» не поверяется «гармония» (к чему склонен был Иван Аксаков в 1840-е гг.). А вместе с тем именно работы Константина Аксакова становятся строгим **исследованием** современного общества.

Аксаков — аналитик, но прежде всего — как человек, подающий материал образом, побуждающим к полемике-анализу; можно сказать, «подставляющий» себя, свои построения; доводящий до конца теоретические предположения и — объективно, скорее всего, невольно — аналитически выявляющий в них и глубину, и одномерность.

Думаю, Аксаков действительно стоял несколько особняком в славянофильском кругу, но это-то и помогало ему выражать славянофильскую позицию более определенно, можно сказать, в абсолюте — без уступок и оговорок. Именно он сформулировал трагическую парадигму русского мира: «Борьба, настоящая борьба Востока и Запада, России и Европы — в нас самих, а не на пределах наших»³⁹.

³⁸ Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 155.

³⁹ Аксаков К.С. Письма к Д.А. Оболенскому // РО ИРЛИ Ф. 3. Оп. 8. № 18. Л. 11 об.

Источники и литература

1. Аксаков К.С. Голос из Москвы. Западная Европа и народность. Публикация и примечания В.А. Кошелева // Литература и история (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII–XX вв.). СПб., 1992.
2. Аксаков К.С. Государство и народ. М., 2009.
3. Аксаков К.С. Замечания на новое административное устройство крестьян в России. Лейпциг, 1861.
4. Аксаков К.С. Записка «О внутреннем состоянии России» // Теория государства у славянофилов. Сб. статей. СПб., 1898.
5. Аксаков К.С. Письма к Д.А. Оболенскому // РО ИРЛИ Ф. 3. Оп. 8. № 18.
6. Аксаков К.С. Полное собрание сочинений: в 3 т. Т. I. М., 1861.
7. Аксаков К.С. Собрание сочинений: в 3 т. Т. III. Ч. 2. М., 1875.
8. Аксаков К.С. Сочинения. Ред. и прим. Е.А. Ляцкого. Т. I. Пг., 1915.
9. Аксаков К.С. Что такое мы в настоящее время? // РО ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 7. № 18.
10. Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. М., 1995.
11. Космополис. 1898. № 4.
12. Космополис. 1898. № 9.
13. Кошелев В.А. Сто лет семьи Аксаковых. Бирск, 2005.
14. Переписка Н.В. Гоголя: в 2 т. Т. 2. М., 1988.
15. Цимбаев Н.И. Записка К.С. Аксакова «О внутреннем состоянии России» // Вестник Московского университета. История. 1972. № 2.
16. Шириняц А.А., Мырикова А.В., Фурсова Е.Б. Константин Сергеевич и Иван Сергеевич Аксаковы // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Избранные труды. М., 2010.